безопасности работ в заведениях фабрично-заводской промышленности // Там же. 1913. № 11. С. 1-9.
19. См.: Доклад об учреждении технико-химических профессиональных классов при 1-м высшем городском училище в Екатеринбурге // Там же. 1916. № 1-2. С. 45-54; Кандыкин Ф.И. К вопросу о Геологическом отделении на Урале // Там же. 1917. № 7-12. С. 50-51; Митинский А. Горнотехническое образование в России // Там же. 1914. № 9-10. С. 43-46; Реформа Уральского горного училища // Там же. 1908. № 6-7. С. 81-83; Смольников Н. Перспективы технического образования на Урале // Там же. 1914. № 11-12. С. 43-47.
20. См.: Гомберг Н.И. О современной горнозаводской жизни на Урале // Там же. 1914. № 9-10. С. 5-21; Ярков В.П. Значение Урала в будущем развитии русской горнозаводской промышленности // Там же. 1916. № 3. С. 2-12; Он же. Какое участие может принять Урал в развитии производительных сил государства // Там же. 1915. № 2. С. 1-6; Он же. Наши задачи // Там же. 1916. № 1-2. С. 1-7.

Ярков Ю.М.
(Екатеринбург)

Продовольственный кризис в Пермской губернии весной – осенью 1917 г.

Стереотипы в понимании исторических событий 1917 г., сложившиеся в 1990-е годы у значительной части населения России, говорят о том, что все беды в нашу страну пришли после захвата большевиками государственной власти.

Однако, архивные документы и материалы свидетельствуют о наличии серьезных проблем, в том числе и в вопросе продовольственного обеспечения, ещё **до** прихода к государственной власти большевиков, то есть при власти Временного правительства.

Например, 24 мая 1917 г. Екатеринбургский городской продовольственный комитет разъяснил в местной прессе суть и причины новой политики государства по заготовке хлеба: *«Теперь повсюду будет проведена хлебная монополия, распоряжение хлебом будет в руках центральных продовольственных органов; распределение хлеба должно быть уравнительным; все местности должны получить хлеба поровну. Нужно позаботиться о том, чтобы хлеба хватило до нового урожая, нужна экономия в расходовании его,*

нужно рассчитать каждый лишний пуд, чтобы никто не оказался черезчур сытым за счет недостатка у другого» (1).

26 мая 1917 г. в прессе Екатеринбурга появилось известие из Петрограда: *«Товарищ министра продовольствия Зельгейм по телеграфу предложил продовольственным комитетам приступить к принудительному отчуждению запасов хлеба, хранящихся в сельских общественных магазинах»* (2).

2 июня 1917 г. Временное правительство *«объявило весь урожай хлеба всякаго рода государственной собственностью»* (3).

Это очень показательные факты. Мы видим, что государственная хлебная монополия с принудительным изъятием хлеба в деревне появляется не во времена «военного коммунизма», а уже в середине 1917 г. в самой свободной в то время стране мира. Фактически отменяется частная собственность на результат своего труда – на хлеб. И всё это делается за несколько месяцев до прихода к власти большевиков.

Государственная власть опасалась наступления голода. Доказательством возможности голода в России является, например, циркулярная телеграмма № 3170 от 18 июля 1917 г. министра («управляющего министерством») внутренних дел И.Г. Церетели губернским и областным комиссарам Временного правительства. Министр пишет: *«Необходимо спасти страну […] от голода и продовольственного истощения внутри. Самочинное распределение земельных угодий вносит анархию в земельные отношения, понижает количество нужного для России продовольствия и увеличивает опасность надвигающагося голода»* (4).

На Пермском губернском совещании представителей власти 20 августа 1917 г. по этому поводу констатировалось: «*Население* [центральной России – Ю.Я.] *находится в полуголодном состоянии, население получает по полфунта* [около 205 граммов – Ю.Я.] *хлеба на день. Ближе к фронту дело обстоит ещё хуже – население питается жмыхами. Даже здесь[,] на Урале[,] около хлеба[,] некоторые заводы не доедают[,] и уже на этой почве происходят голодные бунты»* (5). На Урале происходят голодные бунты летом 1917 г., то есть **до** большевиков! В середине октября эта же информация подтверждается, например, из Ревдинского завода: *«на почве недостатка продовольствия возникают голодные бунты»* (6).

На II-й Уральской областной конференции меньшевиков, состоявшейся 23 сентября 1917 г. в Перми, текущий момент

характеризовался в следующих выражениях: *«в условиях надвигающагося голода и холода», «в условиях политической и хозяйственной разрухи», «государство распадается», «этот государственный и хозяйственный развал, питаемый войной»* (7).

28 сентября 1917 г. Красноуфимский уездный комиссар Временного правительства Н.А.Сергеев телеграфировал Пермскому губернскому комиссару Временного правительства Б.А.Турчевичу следующее: *«Вновь сообщаю[: на] заводах города хлеба нет[.] Возбужденные толпы требуют хлеба у Голубцова[.] Излишков нет[,] держать нечем»* (8).

То есть мы видим, что летом-осенью 1917 г. Пермской губернии реально угрожал голод.

Упоминаемое выше Пермское губернское совещание указало причину сложившейся критической продовольственной ситуации. Причина заключалась в том, что хлебородные уезды не желали выполнять государственный закон о хлебной монополии от 25 марта 1917 г.: *«Губернское совещание*[,] *путем подсчета*[,] *пришло к заключению, что если бы уезды, признанные благополучными по урожаю, пришли бы на помощь Правительству в лице Министра Продовольствия Пешехонова, народного социалиста*[,] *и подчинились закону о хлебной монополии, то население и заводы не голодали бы»* (9).

Государство само устанавливало крестьянам фиксированные закупочные цены на продовольствие (как и позже в СССР). Рыночные цены не приветствовались. Просьбы и предложения сельских обществ о повышении этих цен расценивались, например, Ирбитской уездной земской управой как *«ходатайства мародерного содержания»* (10).

Однако, население не торопилось расставаться со своим хлебом по твердым ценам. Например, 28 июля 1917 г. Красноуфимский уездный комиссар Временного правительства докладывал Пермскому губернскому комиссару Временного правительства следующее: *«Сообщаю, что при попытке энергичного проведения в жизнь хлебной монополии[,] со стороны населения встречаются массовые препятствия, целые деревни и общества не допускают даже к выяснению наличности хлебных запасов, что подтверждают выехавшие в уезд эмиссары; в г. Красноуфимске 27 и 28 июля[,] в базарный день[,]ни продавцы, ни покупщики не подчинились требованию о сдаче хлеба в местную продовольственную управу,*

никакие доводы и убеждения на толпу не действуют, милиция бессильна справиться, нашедшиеся свободными в городе 10 человек солдат не могли противодействовать возбужденной толпе; хлеб расхватан по вольным ценам» (11). 10 августа 1917 г. *«толпа[,] собравшаяся на базаре гор. Красноуфимска для покупки муки, побила камнями* [то есть, видимо, **убить** хотели – Ю.Я.] *бывшего члена Продовольственной Управы Попова и гражданина Оболенского за попытку сказать в защиту монополии»* (12).

Упоминавшаяся выше II-я Уральская областная конференция меньшевиков (23 сентября 1917.) также констатировала: *«Деревня, не встречая на рынке необходимый для нея товар, отказывается доставлять хлеб государству»* (13).

Таким образом, архивные документы свидетельствуют, что летом-осенью 1917 г. ситуация с продовольствием в Пермской губернии стала выходить из-под контроля властей.

В этой связи, вероятно, следует обратить внимание на методы работы властных структур. При исполнении закона о хлебной монополии власти потенциально готовы были действовать так же, как и противоборствующие силы в последующей Гражданской войне.

Например, Временное правительство 9 сентября 1917 г. предложило уездным земским управам, *«не входить с ходатайством о повышении твердых цен»* (14). И это – несмотря на демократию и свободу в стране…

На региональном уровне властные структуры были преисполнены суровой решимостью.

Пермский губернский продовольственный комитет в это же время предлагал *«принимать самые решительные меры против виновных в выпадах по адресу продовольственного дела»* (15). **Самые решительные** меры!

Начальник Красноуфимской уездной милиции Царевский 16 августа докладывал своему уездному комиссару о том, что разгром «толпой» 10 августа уездной продовольственной управы *«удалось предотвратить вызовом солдат»* (16). Видимо поэтому Красноуфимский уездный комиссар Сергеев докладывал Пермскому губернскому комиссару Турчевичу (28 июля), что *«для проведения энергичных мер к проведению хлебной монополии, очевидно, помимо слов убеждения – нужна и реальная сила …»* (17). Нетрудно догадаться, что под «реальной силой» имеются в виду силовые действия войск или милиции с применением оружия на поражение

(при необходимости).

Ирбитская уездная земская управа считала (28 сентября), что нужно, *«не останавливаясь ни перед какими мерами[,] пресекать в корне подобные начинания»* (18). Далее, эта же управа тепло отозвалась о Временном правительстве, которое *«принимает все возможные меры против разрухи в продовольствии и не останавливается ни перед какими мерами в борьбе с лицами и обществами не только исполняющими* [так в документе; видимо, следует читать «не исполняющими» – Ю.Я.] *распоряжения, но даже просто протестующими»* (19). **Ни перед какими** мерами! То есть, надо полагать, что и расстрелы вполне приемлемы тоже (хотя автором публикации не выявлены случаи фактического применения расстрелов). Причем, любыми мерами следует бороться не только с саботажниками-«практиками», но и просто с несогласными-«теоретиками».

Вывод из данной публикации следующий: жестокая политика «военного коммунизма» 1918 -1920 гг. появилась на свет не по субъективной злодейской воле большевиков, мечтающих умертвить половину населения России. Эта политика корнями растет из логики исторического развития страны в тот период. Жестокие мероприятия времен гражданской войны в области продовольственного дела были заложены несколько раньше – Временным правительством (и его органами) демократической и свободной России в 1917 году.

---

1. Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 24 мая. № 111. С. 2.
2. Зауральский край (Екатеринбург). 1917. 26 мая. № 113. С. 2.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1788. Оп. 1. Д. 35. Л. 11.
4. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 77. Л. 1.
5. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 37.
6. Уральский рабочий (Екатеринбург). 1917. 13 октября. № 17. С. 4.
7. РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 87. Л. 39.
8. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 36. Л. 14.
9. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
10. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
11. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д.36. Л. 16-16об.
12. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д.36. Л. 25-25об.
13. РГАСПИ. Ф. 275. Оп. 1. Д. 87. Л. 39.
14. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
15. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
16. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 36. Л. 25об.

17. ГАПО. Ф. 167. Оп. 2. Д. 36. Л. 16об.
18. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.
19. ГАСО. Ф. 658. Оп. 2. Д. 2. Л. 38.

Яркова Е.И.
(Екатеринбург)

Мобилизации коммунистов в Екатеринбургской губернии в начале 1920-х гг.

В ноябре 1919 г., согласно циркуляру ЦК РКП(б) от 18 октября 1919 г., в Екатеринбургской губернии проводилась 30% мобилизация коммунистов на Южный фронт. Порядок мобилизации в губернии определялся циркуляром Екатеринбургского губкома РКП(б). Мобилизации подлежали в одинаковой степени, как ответственные работники, так и рядовые члены партии и сочувствующие. Из женщин, согласно циркуляру губкома, мобилизовывались только те, которые могли вести ответственную политическую работу. Мобилизация ответственных работников должна была производиться с таким расчетом «чтобы работа советских учреждений и организаций не была бы окончательно подорвана» (1). Особенно осторожно предписывалось относиться к мобилизации работников продовольственных органов и отделов социального обеспечения. Освобождались от мобилизации «больные, признанные комиссиями врачей при уездвоенкомах негодными к несению как строевой, так и нестроевой службы» (2).

Для проведения мобилизации губком РКП(б) создал специальную комиссию. В первую очередь, решено было мобилизовать наиболее ответственных работников советских организаций, снять их с работы и командировать по уездам для проведения на местах мобилизации и подготовки назначенной на 7-14 ноября партийной недели. Из членов губкома были мобилизованы Н.И. Уфимцев, В.А. Воробьев, Зыков, из членов губисполкома — его председатель С.А. Новоселов, зав. отделом управления П. Студитов, зав. земельным отделом И.С. Семериков, зав. отделом труда Капустин (3). Из этих мобилизованных членов губкома РКП(б) и губисполкома ЦК РКП(б) своей телеграммой от 1 ноября 1919 г. распорядился оставить в Екатеринбурге «для партийной литературной работы» В.А. Воробьева